

К 100-летию со дня рождения О. Э. Мандельштама
 «Соб. Россия — 1991 — 16 ил. в. — с. 6»

СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ...

Россия никогда не оскудела поэтами. Двадцатый век дал Блока, Есенина, Гумилева, Цветаеву... Большие имена, трагические судьбы. Одну из трудных и славных страниц вписал в историю отечественной словесности Осип Эмильевич Мандельштам (1891—1938).

Я рожден в ночь с второго января, в девяносто одном ненадежном году — и столетия

Окружают меня огнем... Так сказал поэт о своем рождении, предвосхищая догадку современных биографов. Родился в Варшаве, в еврейской буржуазной семье, отец, незадачливый коммерсант, так и не научился правильно говорить и писать ни по-немецки, ни по-русски. Детство и юность будущий поэт провел в Петербурге и (летом) в Павловске — с его знаменитым вокзалом, «где царил Чайковский и Рубинштейн». Учился в Тенишевском коммерческом училище. Позже посещал Гейдельбергский и Петербургский университет (по романо-германскому отделению), которого, однако, не кончил.

В поэте все — поэзия. И имя Осип (так всегда называл себя Мандельштам), напоминающее одновременно и библейского Иосифа, и «узких ос, // Сосуших ось земную, ось земную». И фамилия — от побега миндала: «Вчерашней глупостью окрашенный миндаль». Неоднократно встречаются и автопортреты: от раннего

Так вот кому летать и петь — Чтоб прирожденную неловкость Врожденным ритмом одолеть до позднего, почти уже предсмертного, но сохранившего прежнюю полноту:

Детский рот ищет свою мякину,
 Улыбается, жуя,
 Слово щеголь, голову закину
 И щегла увижу я.

(Именно таким увидела его, совсем молодого, М. Цветаева: «Ты запрокидываешь голову, затем, что ты гордец и враль»).

Первые стихи Мандельштама были напечатаны в 1910 г. в журнале «Аполлон», издании акмеистов. Дружба его с Н. С. Гумилевым, вождем направления, продолжалась до гибели поэта — и после: «Беседа с Колей не прерывалась и никогда не прервется», — писал Мандельштам в 1928 г.

В 1913 г. в издательстве «Акм» вышла первая книга стихов «Камень».

Совершенно особое место занял в книге образ Петербурга. Тема невиской столицы — видения Достоевского, А. Григорьева, Блока — находит еще одного тонкого и глубокого выразителя.

Стихи молодого автора удивили читателя совершенством и непохожестью. Они «ниоткуда не шли». Как скажет полвека спустя А. Ахматова, «у Мандельштама нет учителя. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта».

Это, может быть, и не сов-

сем так, были влияния Вяч. Иванова и И. Анненского, была переключка с поэтическими сверстниками. Но суть в приведенном высказывании схвачена верно: «человек ниоткуда». Новое качество в поэтическом языке столетия, хорошо ли — худо ли, рождалось из взаимодействия чужеродных начал и влияний.

Мандельштам с первых лет творчества — поэт противоречий и преодолений. Первым из них стало преодоление «иудейского хаоса» — «незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался — и бежал, всегда бежал».

Новой, обретенной родиной могло стать христианство, православие, и стихи пред революционных лет как будто свидетельствуют об этом.

В разноголосице девического хора
 Все церкви нежные поют
 И в дугах каменных
 Мне брови чудятся, высокие,
 И с укрепленного
 Я город озирал на чудной
 В стенах Акрополя печаль
 По русском имени
 и русской красоте.

Нет, Мандельштам не стал православным поэтом, среди гениев Серебряного века остался одним из наиболее безрелигиозных. Но он стал — русским поэтом. Обрел свою подлинную родину в русском слове, стихии русского языка. Мелькнувшие выше в стихах отождествление, взаимное узнавание, московского и афинского акрополя, перерастает в размышления об эллинской природе и историческом будущем русского языка. В статье «О природе слова» (1922), polemизируя с историческим нигилизмом Чаадаева, Мандельштам писал:

«Чаадаев, утверждая свое мнение, что у России нет истории, т. е. что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил одно обстоятельство, — именно: язык. Столь высоко организованный, столь органический язык не только — дверь в историю, но сама история. Для России отпадением от истории было бы отпадение от языка». И далее следовал смелый афоризм, тревожно и актуально звучащий и в наши дни. «Немение» двух, трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории».

Именно язык определяет и строит изнутри границы русской культуры, стены «русского дома». И лучше всех сознавал это, по мнению поэта, В. В. Розанов. «Он не мог жить без стен, без «акрополя». Все кругом подается, все рыхло, мягко и податливо. Но мы хотим жить исторически, в нас заложена нео-

долимая потребность найти твердый орешек кремля, акрополя, все равно как бы ни называлось это ядро, государством или обществом». Мандельштам находит «свой» акрополь: «каждое слово «Словаря» Дала есть орешек акрополя, маленький кремль, крылатая крепость, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории».

Очень важная, восходящая к К. Н. Леонтьеву, мысль: борьба с бесформенностью есть борьба с небытием. И попытка христианства, и усновление русского слова связаны у Мандельштама еще с одним опытом самопреодоления — преодолением страха смерти.

Тема смерти — одна из вечных тем поэзии — и философии — занимает большее место в творчестве Мандельштама.

Не веря воскресенья чуду,
 На кладбище гулял я мы,
 Ты знаешь, мне земля повсюду

Напоминает те холмы.
 С 1917 г. проблема небытия неразрывно связывается в сознании поэта с гибелью России, русской культуры, того «акрополя», о котором он мечтал. Только через русскую культуру осмыслял он внутреннюю связь с культурой европейской и мировой, только «эллинизм русской речи» был для него залогом нового классицизма.

И море, и Гомер — все движется любовью.
 Кого же слушать мне?
 И вот Гомер молчит,
 И море Черное, витийствуя,
 шумит

И с тяжким грохотом
 подходит к изголовью.

Но если октябрьский нам готовит временщик // Ярмо насилья и злобы, // И ошети- нился убийца — броневик // И пулеметчик низколобий, тогда к чему блеск европейской истории, наследие русской классики, солнце Пушкина?

В 1918 г. Мандельштам предлагает проникновенный реке- вим по Петербургу (Петрополю), о неожиданном крушении, о смертности вечных ценностей.

На страшной высоте
 земные сны горят,
 Зеленая звезда летает.
 О, если ты, звезда, —
 воды и неба брат, —
 Твой брат, Петрополь,
 умирает!
 Прозрачная весна
 над черною Невой
 Сломалась, воск бессмертья
 тает...
 О, если ты звезда, —
 Петрополь, город твой,
 Твой брат, Петрополь,
 умирает...

И все-таки в самые окаян- ные и отчаянные дни, «в черном бархате советской ночи, // В бархате всемирной пу- стоты», поэт не покидала надежда на торжество «бес- смертных цветов» челове- ческого гения. Это и даст силу для преодоления тлена и плена, времени, а точнее, безвременья.

Именно теперь, когда «на плечи бросается век-волко- дав», у Мандельштама, при всем его «эллинизме» и «ве- ницианстве», ни на секунду

не возникает сомнения, где быть. Он остается среди мрака и страха, переходя от «пытки страхом» к мужественным утверждениям:

Ну, что же, если нам
 не выковать другого —
 Давайте с веком авковать.
 И опять — к предощущениям
 близящейся гибели:
 Помоги, Господь, эту ночь
 прожить,

Я за жизнь боюсь,
 за твою рабу...
 В Петербурге жить —
 слово спать в гробу.

Это 1931 год. Последняя точка в судьбе будет поставлена 27 декабря 1938 г. Неполных 47 лет жизни, шесть прижизненных сборников стихов, три книги прозы.

Стихи последних лет, то, что литературоведы пытаются представить как «эволюцию» поэта, выстроить периодизацию его творчества — от первого «Каменя» (1913) к «воронежской тетради» (1935), — увя, не рощ. «Год великого перелома» ломал и ребят покренче — Лосева, Астафьева, Шолохова. Воронежские и московские стихи 1935—1937 гг. — это по большей части не сводимый ни в книгу, ни в циклы поэтический дневник, сюиты бесконечно гарьюющихся строк и строф, в которых лишь напряженная музыкальность напоминает о «тугих парусах» прежнего Мандельштама. Нельзя сказать, чтобы были удачны и стихи о Сталине — ни бранные, ни хвалебные...

«Путаница»-Психея», — вот, пожалуй, образ из поэмы (Ахматовой), выражающий музу Мандельштама. Несомненно, всегда Психея, душа, порыв, откровение, — но и всегда «путаница», горячка, уклон, разрыв связей. Мандельштам любил «архитектурное слово отвес (перпендикуляр)». Так и жил, и писал — ко всему перпендикулярно, поперек, кристаллом.

...В 1935 г. были написаны известные строки:

Эта какая улица?
 Улица Мандельштама,
 Что за фамилия человека —
 Как ее ни вывертывай,
 Криво звучит, а не прямо.

Прошли десятилетия. «Кривая улица» Мандельштама прочно пролегла по русской поэзии — из глубины затоптанного и расстрелянного Русского Серебряного Века до наших дней.

А сам Мандельштам? Не будем гадать, света или покоя заслужил живой, не романтический мастер. («Ведь мастер, мастер?» — спрашивал Сталин). Поэт сам сказал: заблудился. Но: заблудился — в небе. И потому:

Сохрани мою речь навсегда
 за привкус несчастья
 и дыма,
 кругового терпенья,
 за совестный легот труда.
 Как вода в новгородских
 колодцах должна быть черна
 и слава,
 Чтобы в ней и Рождество
 отразилась семья плавниками
 звезда.

Россия сохранит речь своего поэта. И звезда Рождества — символ слияния и скрепления двух традиций, двух заветов, которые пытался в своем поэтическом опыте осуществить Мандельштам.

Николай ЛЕСОВОЙ.